

выглядеть скромной и не распушенной. Именно так и предписывает вести себя «Книга о четырех главных добродетелях»: «Пусть твой смех не переходит в хохот», то есть в громкое куриное ку-дахтанье. О, сколь чудесен смех моей госпожи, всегда звучавший только для глаза!

И я говорю, что Amor непременно несет эти радости в упомянутые места, благодаря которым любовь можно разделить на два вида: на особую любовь, питаемую душой к этим местам, и на любовь вселенскую, предрасполагающую все творения к тому, чтобы любить и быть любимыми, и заставляющую душу украшать названные места. Далее, признавая, что «наш скудный разум ею превзойден», я прошу извинить меня за то, что, уделяя столько внимания душе, я очень мало говорю об исключительной красоте дамы. Это происходит по двум причинам. Одна из них заключается в том, что очи и уста ее подавляют наш, то есть человеческий, разум, подобно тому как солнце подавляет не только здоровое и сильное зрение, но и слабое; другая причина – в следующем: невозможно долго любоваться прекрасным лицом дамы, ибо душа при виде такой красоты опьяняется настолько, что теряет всякую власть над собой.

Далее, когда я говорю:

«Вот мечет пламя огненный покров
Ее красы...» –

я снова описываю лишь впечатление от этой красоты, ибо описать полностью саму ее красоту невозможно. При этом я исхожу из того, что все явления, превосходящие наш разум, лишая его возможности усмотреть их сущность, лучше всего рассматривать через их следствие: только так, рассуждая о Боге, об ангелах и о первоматерии, мы можем получить о них некоторое представление. Потому я и говорю, что красота благородной дамы нисходит на нас как «огненный покров», то есть жар любви и человеколюбия, и что эти «пламенники дух животворит», делая их пылом, вдохновенным благородным духом – праведным побуждением, благодаря которому и от которого рождается источник добрых помыслов. Вместе с тем этот пыл побеждает и уничтожает противоположность добрых помыслов и их главного врага – врожденные пороки. При этом надо помнить, что в человеке есть пороки, к которым он от природы предрасположен, – как некоторые люди благодаря своему холерическому складу предрасположены к гневу; такие пороки являются врожденными, то есть они заложены в самой их природе. Другие пороки, как, например, невоздержанность – особенно в отношении вина, – в которых повинен не склад, а привычка, побеждаются и преодолеваются добрыми привычками, благодаря которым человек становится добродетельным, так что умеренность не стоит ему ни малейшего труда, как говорит Философ во второй книге «Этики». Действительно, различие между страстями врожденными и привычными заключается в том, что привычные совсем пропадают благодаря добрым привычкам, поскольку их начало, а именно дурная привычка, уничтожается своей противоположностью; врожденные же, начало которых заключено в самой природе страстности, хотя они благодаря добрым привычкам и ослабляются, все же полностью пропадают только со временем, так как привычка несравнима с природой, в которой и коренится начало этих страстей. А потому более похвален тот человек, который, обладая дурной природой, сдерживается и управляет собою наперекор природному порыву, чем тот, который, обладая доброй природой, собою владеет или, сбившись с пути, возвращается на путь истины, подобно тому как более похвально справиться с конем норовистым, чем с другим, не шалым. Итак, утверждая, что пламенники, зажженные красотой дамы, изничтожают врожденные, заложенные в нашей природе пороки, я хочу показать, что красота эта способна обновлять природу тех, кто ею любит, ибо она чудодейственна. Тем самым я подтверждаю сказанное в предыдущей главе, где я назвал благородную даму помощницей нашей веры.

Наконец, когда я говорю:

«Ведь гордая краса не для сердец
Возвышенных...» –

я под видом увещевания других показываю цель, ради которой столь совершенная красота была создана; я считаю, что женщина, которую осуждают за недостаток красоты, должна взирать на этот совершеннейший образец. Это значит, что красота благородной дамы создана не только